

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6>

UDC 130.2
LBC 87.52

**THE SPACE-TIME CONTINUUM IN THE POSTMODERN PARADIGM:
G. DELEUZE (1926–1995)**

Yuri L. Sirotkin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation

Abstract. According to the author, J. Deleuze enriches the postmodern paradigm of space-time continuum analysis with original ideas about space, time, and duration (extension) as properties of the world. Psychologism in the interpretation of time-space is indicated. Time is interpreted as a relation, the sign of which is becoming. Attention is drawn to the fact that processuality is provided by eventfulness; events have specific differences and act as neutral singularities that form history. It is noted that time is personal and events as signs and relationships are actualized in the time of the ego. The article reveals Deleuze's rationale for two times: one – present, the other – past and future; one – cyclical, the other – linear (the time of Chronos and the time of EON). It is emphasized that the present is an elusive being of the mind; it is the field of action of historical individuality, which is characterized by an infinity of analytical or synthetic propositions that are self-determined in space-time. The synthesis of time rests on habit, which is the basis of the passing present. Justifies the time memory. It is argued that the present for Deleuze is a simulacrum present in appearances; it dissolves in the past and future. The author reveals the philosopher's conviction in the subjectivity of time, which asserts the priority of the present as existing. The unconscious ends the history of time, shifting the center and periphery, which cease to exist. The influence of depth and distance on the perception of space is noted; time is perceived as an axis, as a form of mental activity, as a bundle of "I" and "My I", as an Affect. The dependence of individual perception on national and cultural affiliation was found. Attention is drawn to the incorporation of time - space into the spiritual world of man. The conclusion is made about the anthropological nature of the space-time continuum in Deleuze's epistemological constructions. Space-time is analyzed through the concepts that form the basis of Deleuze's philosophical discourse, as an attempt to go beyond the established ideas about the space-time continuum.

Key words: time, space, anthropology, relation, becoming, event, difference, repetition.

Citation. Sirotkin Yu.L. The Space-Time Continuum in the Postmodern Paradigm: J. Deleuze (1926–1995). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 49-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6>

УДК 130.2
ББК 87.52

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ: Ж. ДЕЛЕЗ (1926–1995)**

Юрий Львович Сироткин

Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. По мнению автора, Ж. Делез обогащает постмодернистскую парадигму аналитики пространственно-временного континуума оригинальными идеями относительно пространства, времени и длительности (протяженности) как свойств мира. Указывается на психологизм в трактовке времени-простран-

ства. Время интерпретируется как отношение, признаком которого выступает становление. Показывается, что процессуальность обеспечивается событийностью; события обладают видовыми отличиями и выступают как нейтральные сингулярности, формирующие историю. Отмечено, что время лично, и события как знаки и отношения актуализируются во времени «Я». В статье раскрыто обоснование Делезом двух времен: одно – настоящее, другое – прошлое и будущее; одно – циклично, другое – линейно (время Хроноса и время Эона). Подчеркивается, что настоящее есть ускользящее бытие разума; оно является полем действия исторической индивидуальности, которая отличается бесконечностью аналитических, либо синтетических предложений, самоопределяющихся в пространстве-времени. Синтез времени покоится на привычке, которая является основанием проходящего настоящего. Обосновывает время память. Утверждается, что настоящее для Делеза – это симулякр, присутствующий в видимостях; оно растворяется в прошлом и будущем. Раскрывается убежденность философа в субъективности времени, которая утверждает приоритет настоящего как существующего. Бессознательное заканчивает историю времени, смещая центр и периферию, которые перестают существовать. Отмечается влияние глубины и расстояния на восприятие пространства; время воспринимается как ось, как форма мыслительной активности, как связка «Я» и «Мое Я», как Аффект. Обнаружена зависимость индивидуального восприятия от национально-культурной принадлежности. Обращается внимание на инкорпорированность времени-пространства в духовный мир человека. Делается вывод о психологическом основании аналитики антропологической природы пространственно-временного континуума в эпистемологических конструкциях Делеза. Пространство-время анализируется посредством понятий, составляющих основу философского дискурса Делеза, как попытки выйти за пределы сложившихся представлений о пространственно-временном континууме.

Ключевые слова: время, пространство, антропологизм, отношение, становление, событие, различие, повторение.

Цитирование. Сироткин Ю. Л. Пространственно-временной континуум в постмодернистской парадигме: Ж. Делез (1926–1995) // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 49–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6>

Философское наследие Делеза не обделено вниманием российских исследователей. В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес к корпусу работ французского философа. Сочинения Делеза подвергнуты критическому анализу с различных позиций: отражения психоаналитического дискурса [Вавилов 2018] и общих проблем психиатрии [Коломиец 2012], антропологической проблематики [Гиренок 2012], в том числе гуманизма [Гончаренко 2013], поэтики и типологии текстов [Еникеев 2017], перспектив онтологии [Корецкая 2006] и категории субъекта [Кузнецов 2003] и т. д. Монографическому анализу удостоилась философия различия [Дьяков 2017]. Нелинейный мир в контексте творческого наследия Делеза раскрыт в докторском исследовании Я.И. Свирского [Свирский 2004]. Социальный аспект аналитики ритма изложен Е.А. Маковецким [Маковецкий 2004]. Впрочем, повышенный интерес к творческому наследию Делеза не является исключительно российским феноменом [Herer 2006]. В фокусе внимания находится и пространственно-временная проблематика [Buchanan 2005, Williams 2011]. Тем

не менее нам не удалось обнаружить публикации российских авторов, посвященных анализу пространственно-временного континуума в творческом наследии Делеза. Предлагаемая статья является попыткой восполнить этот досадный пробел.

Ж. Делез не создал более или менее стройной и обоснованной теории пространственно-временного континуума, предпочитая децентрированную аналитику и смещение акцентов, что давало возможность обозначить его текучесть и зыбкость. Вместе с тем не лишены оригинальности подходы философа обладают эпистемологической ценностью, в том числе в силу глубинного антропологизма восприятия пространства-времени. В предлагаемой статье мы проследим мысли автора в их увлекательной непоследовательности и эпистемологической противоречивости. В основе нашего анализа лежат базовые понятия, используя которые Делез интерпретирует пространственно-временной континуум. Автор предпринял попытку психологического обоснования восприятия французским философом времени-пространства, антропологического по природе и генезису. Цель исследования: рас-

крыть оригинальность толкования Делезом времени-пространства, одной из составляющих которого является психологизм трактовки континуума и показать, что время обретается в процессе становления отношений, обосновывается памятью и сопровождается событийностью, формирующей историю, а отношения актуализируются во времени «Я», которое становится исторической индивидуальностью. Поставленная цель привела нас к необходимости проследить мысли Делеза относительно времени Хроноса и времени Эона, субъективности времени и привычки как его синтеза, симулякризации настоящего, присутствующего в видимостях, восприятия времени как формы мыслительной активности в связки «Я» и «Мое Я» и т. д. Новизна работы заключается в использовании соотносительных конструкторов восприятия Делезом времени-пространства в их интерпретационном своеобразии. Спецификация размышлений, составляющих содержание статьи предполагает не комментирование текстов, а диалог с Делезом в стилистике и с использованием смысловых нюансов языковых средств постмодернистского дискурса.

Пространство, время и длительность есть свойства мира. Эта мысль, оговоренная Ж. Делезом, сопряжена с лейбницевской идеей о трех критериях игры [Лейбниц 1982] и трактовке пространства-времени-длительности (декларация Делеза о том, что «мы остаемся лейбницианцами» [Делез 1997, 242] обязывает нас отнестись с более чем пристальным вниманием к рассуждениям о пространстве-времени в контексте учения Лейбница о монадах). Делез обосновывает оригинальную позицию относительно времени-пространства, вводя понятие «мировая игра», манифестируя композиционное построение мира в неподвластном воображению архитектурном разнообразии и памяти о возможностях инкорпорации мира в человеке. Пространственно-временной континуум сравнивается с «вместилищем» (варианты – стол, таблица), которое необходимо заполнить миром. Либо, напротив, пространство-время принадлежит множеству миров в ипостаси дистанции от одной до другой сингулярностей, или от одного до другого человека. В обоих случаях протяженность становится результатом продле-

ния сингулярностей. Поэтому пространство, время и протяженность становятся характеристиками мира. Играющий мир объединяет как игроков, так и месторасположение игроков. Как видим, мир есть вместилище пространства, времени и протяженности [Делез 1997, 116–117]. Находится ли в этом мире человек? И не он ли воспринимает мир, время, пространство и протяженность? Вопросы остаются открытыми. Поиски ответа на них приводят к антропологическим трактовкам природы пространства-времени.

Антропологизм анализа времени-пространства обнаруживается у Делеза в использовании метода внутреннего субъективного генезиса, который направляет его аналитику в область трансцендентальной (дифференциальной и генетической) психологии перцепции. Результаты использования избранного метода дают основания для вывода о пространстве-времени как множестве, представляемом в качестве узла дифференциальных отношений в субъекте, который обретает статус продукта этих отношений [Делез 1997, 152]. Таким образом, время становится внутренним продуктом и интерпретируется как отношение. Основанием «в применении к пространственно-временным отношениям» становится согласованность. Применительно к монадологии включается режим своеобразных позиций между монадами. Отношения выражают последовательность расположения монад. Это режим осуществления отношений, вектор которых располагается в направлении от более к менее ясной монаде, так как ясным и совершенным является лишь основание [Делез 1997, 236]. В этом случае мы имеем дело с признаком пространственно-временных отношений.

Наряду с отношениями, ключевую роль в аналитике времени у Делеза играет становление. Оно ускользает от настоящего, и потому не имеет ни прошлого, ни будущего [Делез 1995, 13]. Настоящему придается всеобщность. Оно становится временем всего сущего, так как оно имеет протяженность, служит измерению действия того, кто его совершает. Настоящее как космос принадлежит универсуму; оно существует во времени. Телам принадлежит пространство [Делез 1995, 17]. Они же образуют отношения, которые явля-

ются причинами событий-эффектов, обозначающих несуществующую сущность.

Становление саморазделяется на прошлое и будущее, игнорируя настоящее. Этот процесс бесконечен. Поэтому время воспринимается одновременно в двух взаимоисключающих и взаимодополняющих образах. Один из них олицетворяет живое телесное настоящее и возникает как результат действия сторонних тел. Другой – олицетворяет момент, который делится на прошлое, будущее и бестелесные эффекты. Причем деление безгранично по длительности. Этот момент также выступает результатом действий внешних тел. Время обретает себя в настоящем, которое поглощает бесконечно разделяющее настоящее прошлое и будущее. Существование трех последовательных измерений времени ставятся под сомнения и представляются излишними. Два прочтения времени декларируются как самодостаточные [Делез 1995, 18]. Прошлое и будущее разделяются и синхронно поглощаются настоящим. Такова констатация сущего.

Становление как процесс открыто в бесконечность и обеспечивается событийностью. Идеальное событие – это сингулярность, которая нейтральна. Сингулярности смешиваются, изменяются по составу и трансформируются. В роли сингулярностей может выступать вариативная событийность. В этом случае частные события взаимодействуют внутри одного События. Взаимодействия перераспределяют их статус, трансформации создают историю [Делез 1995, 74]. События – это знаки и отношения, актуализованные во времени «Я», они проблематичны. Знаки дублируют понятия в действиях. Ассоциативность, неопределенность и изменчивость становятся признаками знаков [Делез 2002, 188]. Проблема определяется сингулярными точками, которые выражают ее условия. Проблема утверждается, а значит, требует решения. Решение проблемы, соответствующее ее условиям, всегда находится. Однако идеальное событие имеет пространственно-временное осуществление, равно как и решение проблемы. В отличие от проблемы, вопрос определяется случайной точкой, соответствующей «подвижному элементу». Резюме выглядит следующим образом. Метаморфозы сингуляр-

ностей создают историю. Отдельные комбинации становятся событиями. Событие коммуницирует и перераспределяет частные события. Такое Событие является уникальным и осуществляет собственное бытие на фоне других событий как частей и фрагментов [Делез 1995, 78].

В парадигме традиций, восходящей к стоикам, Делез выделяет два полноценных прочтения времени, несмотря на взаимоисключающий характер каждого из них. С одной стороны – Хронос как ограниченное настоящее. С другой – Эон как неограниченное прошлое и будущее. В «Логике смысла» Делез поясняет свою позицию. Утверждается, что настоящее существует, интегрируя прошлое и будущее, оно движется, достигая пределов Универсума посредством перехода от одного сжатия к другому. В результате возникает космическое настоящее. Обратный порядок движения способствует возрождению настоящего в части его моментов. Универсум вновь обретается. Таким образом, настоящее всегда ограничено. Время бесконечно потому что оно циклично и оживает в вечном возвращении того что было. Причинность в этом возвращении играет заметную, но трудноопределимую роль. Делез полагает, что настоящее делится до бесконечности прошлым и будущим. В этом случае настоящее мыслится линией. Прошлое и будущее дополняемо и также бесконечно делится настоящим. Промежуточные обобщения допускают предположения: а) время не бесконечно по причине невозвратности; б) время есть прямая линия с прошлым и будущим как отдаляющимися крайними точками. Итогом рассуждений Делеза становится утверждение о бытии двух видов времени. Один вид определяется настоящим, другой – разлагающе-растягивающимся прошлым и будущим [Делез 1995, 84–85]. Один вид текуч, другой – нейтрален. Один линейен, другой – цикличен.

Одно настоящее есть ускользящее бытие разума, в нем доминирует возможное. Другое как живое настоящее – событийно, разделяющееся на прошедшее прошлое и ближайшее будущее. Делез снова и снова возвращается к этой мысли и неоднократно ее повторяет в различной аргументации [Делез 1995, 87, 101 и др.].

Действия человека как исторической индивидуальности ограничены настоящим. В нем человек актуализирует преобразовательные способности и проявляет социальную активность различную по формам и содержанию. Настоящее покоится на прошлом и ориентируется будущим. «Живое» настоящее имеет устойчивый вектор эволюции, который задан конструкциями будущего [Делез 1995, 140]. Индивидуальности обретают форму аналитических предложений. Личностям присваивается статус синтетических предложений. В единстве они составляют «онтологические предложения» [Делез 1995, 149]. Иначе говоря, соотношение смыслов, заключенных в анализе как выражении индивидуальности и синтезе как ином порождении смыслов, содержащихся в лексических конструкциях более высокого порядка, принадлежащих личности, порождает целостность высшего смысла, выражающуюся в неразрывной связи мышления и бытия в духе гуссерлевского пути от чистого сознания к структуре бытия. Предложения находятся во взаимоотношениях и порождают проблемы, которые самоопределяются в пространстве-времени.

События имеют двойственную структуру: собственно реализация в настоящем или момент реализации. События прошлого и предполагаемого будущего располагаются в настоящем в порядке зависимости от их участников. Подобная трактовка событий не отменяет факта прошлой событийности и возможности развертывания событий в будущем. Но есть события настоящего момента, которые Делез называет «контр-осуществлением». Предложенное понятие вмещает жизнь, которая ускользает, но является для человека настоящим. Это в одном случае. В другом – это индивидуальное бытие человека, которого может подавить окружающий мир, не имеющий отношения ни к человеку, ни к его жизни в настоящем, а только к моменту, разделенному на «до» и «после» [Делез 1995, 183].

В соответствии с существованием двух видов времени (Хроноса и Эона) предлагается оригинальная характеристика каждого из них. По Хроносу время ограничивается настоящим, им же и измеряется. Настоящее вмещает прошлое и будущее. В частности, оно сохраняет прошлый опыт и обнаруживает пер-

спективы, которые открывает будущее по его переосмыслению и использованию. Настоящее Хроноса – это процессы контаминации; наделение темпоральностью происходит в результате смешивания. Настоящее выступает мерой действия тел или причин, а прошлому и будущему достается страдание тел. Божественное (величайшее) настоящее есть всеединство телесных причин [Делез 1995, 196]. В итоге Делез квалифицировал настоящее как видимость, которая дублирует двойника [Делез 1995, 202–203]. Другими словами, настоящее есть симулякр (то есть обозначение того, чего нет), присутствующих в видимостях. Подобное резюме следует после многочисленных повторов с добавлением незначительных аргументов к основным тезисам, которые не дополняют изложенных представлений в контексте антропологического дискурса. В частности о времени Эона выносится суждение, что оно содержит прошлое и будущее, которые разделяются моментами настоящего. Разделение бесконечно, соотносительно и направлено в сторону как прошлого, так и будущего [Делез 1995, 198–199]. Пришло время сделать оговорку. Мы сознательно избегаем цитирования не только ввиду ограниченного объема статьи, но и по причине стилистического своеобразия текстов первоисточника, которое создает дополнительные трудности восприятия и толкования. В качестве примера предложим иной вариант интерпретации рассуждений Делеза [Делез 1995, 198–199]. Настоящее содержит прошлое и будущее, предоставляет возможность их соотношения. Смыслы прошлого и будущего обретаются в настоящем. Прошлое и будущее делит настоящее. Момент разделяет состояние времени на прошлое, настоящее и будущее, тогда как разделяющий момент не имеет ни объема, ни протяжения. При этом, соотношение прошлого и будущего не подвластно охвату настоящим. Ограничимся сказанным, не исчерпывающим, тем не менее, количеством возможных трактовок. Впрочем, это характерно не только для текстов Делеза. Постмодернистский дискурс предполагает множественность интерпретаций, основу которых составляет смысловая неопределенность текстов. Это лишь один из блестящих примеров фантазмов-симулякров, увлекающих

читателя тем, чего нет и не может быть, но что может быть обозначено. Этим примером мы ограничимся, выразив сожаление в отстраненности от «нового мира бестелесных эффектов». Попутно обратим внимание на пристрастие автора к повторению уже изложенного и, учитывая возможность предсказуемости повторов, мы избавляем читателя от повторяемости и вариативности в изложении, ограничиваясь необходимыми для понимания позиции Делеза относительно времени-пространства смыслами.

Последуем вслед за Делезом и прибегнем к спасительному Событию. Именно оно создает то, что отличает циклическое и моноцентрированное возвращение Хроноса. Это вечное возвращение событий, круговорот событийности как их череды, бесконечно делимых на «уже прошедшее» и «вот наступающее» [Делез 1995, 212], исключаящее возвращение индивидуальностей и миров. Такое возвращение скользит по линии Эона, следуя по которой, События не принудительно каузальны, а совозможны. «Вечное возвращение» предполагает повторение на основе различия. В основе циклов лежит повторение. Иначе говоря, повторение символизирует циклы и не может состояться вне настоящего.

Устраивая смысловую переключку с Юмом и Тардом, Делез утверждает в *субъективности времени* (курсив наш. – Ю. Л.). Сознание порождает пространственно-временную динамику [Делез 1998, 269]. Субъективностью времени утверждается приоритет настоящего. Настоящее обозначается как существующее и в определенной степени завершенное «здесь и сейчас». Бытие настоящего утверждается синтезом времени. В качестве меры настоящего выступает прошлое и будущее [Делез 1998, 103]. Делез полагает, что внутривременной синтез означает проходящее настоящее. Вечное настоящее подвластно представлению, но физические возможности его осуществления отсутствуют. Настоящее обладает некоторой длительностью, которая исчерпывается возможностями организма и индивида. Живой организм оказывается способным продлевать настоящее в зависимости от созерцающих его душ. Пределы подвижного настоящего определяются потребностями. Настоящее помещает-

ся между образующимися потребностями. Длительность его соответствует длительности созерцания. Потребности, повторяясь, выражают внутривременной характер синтеза времени [Делез 1998, 104]. Первый синтез времени как живое настоящее покоится на привычке, как, впрочем, и все психические феномены; тысячи привычек образуют базовую область пассивных синтезов. Привычка есть основание времени, которое проходит, то есть настоящего. Первый синтез времени, утверждает Делез, первоначален и внутривременен. Время не выходит из настоящего, которое его утверждает и проходит. Второй синтез показывает проходящее настоящее и объясняет несоразмерность времени [Делез 1998, 106]. То, что движет настоящим, присваивая настоящее и привычку, определяется как обоснование времени. Для Делеза это Память. Память соотносится с привычкой на основе времени. Предложенное соотношение дает основание для возведения привычки в ранг первоначального синтеза времени. Этот синтез утверждает проходящее настоящее. Память же предполагает новый синтез, который констатирует бытие прошлого.

Время целиком синтезируется прошлым. Настоящее и будущее служат его измерению. Однако прошлое имеет место быть в настоящем; оно, таким образом, есть. Прошлое, как прошедшее настоящее, содержится в актуальном; оно воспринимается как время «в-себе». В этом смысле прошлое а priori времени вообще [Делез 1998, 109]. Пассивный синтез относится к прошлому, активный – представление настоящего как «воспроизведение старого и отражение нового». Включение в рассуждения о времени повторения приводит Делеза к выделению материальных и духовных повторений. Материальные повторения – это повторение мгновений. Духовные – предполагают повторение на различных уровнях сосуществования [Делез 1998, 112].

Обосновывая разговор о трех временах – прошлом, настоящем и будущем – Делез опирается на Гельдерина (Holderlin) [Делез 1998, 118–119]. Время, обретаемое прошлым, настоящим и будущим является совокупностью трех синтезов, образующих единое повторение. Прошлое – это самоповторение. Настоящее – это повторяющееся. За бу-

душим закрепляется миссия повторяемого. Смысл повторения обнаруживается в дважды повторяемом. Повторение, названное «королевским», предполагает повторение предстоящего, подчиняющего иные повторения, расположенные в порядке синтеза. Первый синтез относится к содержанию и основанию времени. Второй – к его обоснованию. Третий – к конструированию системы и формулированию цели времени [Делез 1998, 123]. Обращение к бессознательному в трех синтезах закрывает для Делеза вопрос о времени. Резюме Делеза выглядит следующим образом. Высший синтез относится к будущему, которое предвосхищает трансформацию «Оно и Я» в «Сверх-Я». Осуществляемая трансформация разрушает прошлое и настоящее, затрагивая состояния и агента. Прямая линия замыкает круг, похожий на кривое зеркало перекошенностью отражений. Инстинкт смерти становится надеждой на вечное возвращение, которое в итоге утверждает неформальное как продукт формальности в ее высших проявлениях. В этих интеллектуальных манипуляциях философ видит законченность истории времени, когда круг разрывается и образуется линия, изменяя круг смещением центра [Делез 1998, 147]. Центр и периферия перестают существовать. Смещение временных отрезков сопровождается синтезом прошлого, настоящего и будущего, провоцирующим смелые заявления о его конце. Вместе с тем существование (независимо от понимания, которое декларирует Делез. – Ю. Л.) может либо размещаться в пространстве и времени (даже в качестве индифферентной среды), либо происходить вне пространственно-временных данностей. Однако существование идеи есть результат реальности, наполненной временем и пространством, имманентным Идее [Делез 1998, 260].

Различие как понятийный инструментальный, не без успеха используемый Делезом, объясняет создание качества и пространства. Глубина пространства свидетельствует о его безграничности; оно служит вместилищем сложностей, оказывающихся результатом смешения [Делез 1998, 279]. Характеристика пространства не ограничивается глубиной. Тем не менее, пространство обретает себя в глубине, которая выступает как его первоос-

нова независимо от измерений. Третье измерение гомогенно остальным двум. Выражение глубины неодинаково. В первом измерении глубина отражается в левом и правом. Во втором – верхе и низе. В третьем – в форме и содержании. Глубина свидетельствует о сосуществовании прошлого и настоящего. Перцепция пространства предполагает его глубину, которая не обуславливается величиной объектов. Аналогичное суждение выносится относительно расстояния. В глубине заключено расстояние, которое обозначается видимыми величинами, разворачивающимися в пространстве. Восприятие глубины и расстояния предопределяется интенсивностью ощущений. Снижение интенсивности гипотетически должно увеличить глубину восприятия. Интенсивность обретается пространством. Оно экстерииоризирует и гомогенизирует расстояния. Интенсивность, одновременно, поддается ощущениям и может оказаться неощущаемой [Делез 1998, 280–281]. И в то же время глубина есть «интенсивность бытия, и наоборот» [Делез 1998, 282]. Векторы как истоки интенсивности восходят к глубинному синтезу времени. Три свойства характеризуют интенсивность: неравное (количественное различие); утверждение различием неравного; количество, которое «не включено в качество» [Делез 1998, 283–291].

Делез обращается к анализу времени и раскрывает его через стержень (ось); есть стержень – будет время с отмеряемыми им периодами. Время мыслится как «вращающаяся дверь, лабиринт, ведущий к извечному истоку» [Делез 2002, 43]. Сообразно близости к Вечному располагается иерархия движений; она же сообразуется с необходимостью, совершенством и т. д. Обладание стержнем обеспечивает экстенсивность движений, которая включает его меру, интервалы и ритм. Время измеряет движение и стремится к освобождению, оставаясь изначально и производно движением [Делез 2002, 44]. Из комментария С.Л. Фокина следует, если время утрачивает собственный стержень, определяющими человеческое бытие во времени оказываются мыслительные процессы, в том числе акт «сogito» [Фокин 2002, 233].

В аналитике Делеза присутствует формула «время во мне и Я во времени». Эта

формула позволяет определить динамику пребывания «Моего Я» во времени. Констатируется, что «Я» рецептивно и испытывает динамику изменения во времени, оно выступает как мыслительное действие, позволяющее говорить об изменчивости. Последняя ограничивается актом мыслительной деятельности. В линии времени Делез находит разделительную черту между «Моим Я» и «Я». Линия времени не только разделяет, но и соотносит их, сохраняя различия [Делез 2002, 46]. Время не только соотносит «Я» и «Мое Я», но образует их единство. Так определяется нить времени.

Время определяется Делезом как аффект, самоаффектация или ее возможность. В этом значении время приобретает внутренний смысл и не является только последовательностью. Оно становится формой интериорности. Пространство, напротив, лишается характеристик сосуществования и одновременности и обретает форму экстериорности. Такая форма сохраняет возможность быть взволнованной внешним объектом. Делез поясняет, что форма интериорности, хотя и констатирует наличие времени внутри разума, но не означает ограниченность его присутствия разумом. Аналогично обстоит дело с пространством. Форма экстериорности допускает, что пространство есть нечто внешне бытийное, так как дает возможность представить объекты в качестве внешних объектов. Экстериорность содержит имманентности ровно настолько, насколько интериорность трансцендентности. Мера имманентности определяется разумом, в котором заключено пространство. Мера трансцендентности зависит от соотношения времени, представленного разумом в качестве отличия «от меня». Время, утверждает Делез, как внутри нас, так и мы внутри времени. Такое качество времени определяет нас, волнуемых его аффектом. Интериорность способствует углубленному самопознанию и раздваивает нас, не разрушая единства и целостности. Раздвоение не доходит до предела разрушения, так как время бесконечно. Колебания утверждают время. Равно как колыхания убеждают в бесконечности пространства [Делез 2002, 48–49]. Аффективные состояния дополняют представления о времени-пространстве и обогащают его

антропологический ресурс, в чем видится заслуга Делеза.

Антропологический дискурс позволяет представить пространство-время всем или почти всем, что составляет духовный мир человека. Показателен пример восприятия арабами пустыни. Делез в его анализе использует понятие «свет» в качестве образующего пространства и его сущности; идеи, которые «осуществляют себя в пространстве» и т. д. [Делез 2002, 155]. Это выглядит поэтично; язык метафор вдохновляет, но не объясняет. Речь, вероятно, идет «об актах объективности», но это весьма неопределенное словосочетание, которое не проясняет, а, напротив, запутывает множественностью трактовок – интерпретаций. Делез щедро разбрасывает путанные замечания с туманными намеками на сокрытие истинности, оставляя читателя в недоумении и растерянности. Такова постмодернистская стилистика. «Сущее сталкивается с другим сущим, и они получают друг от друга удовлетворение в соответствии с *конечными* отношениями, которые составляют лишь *бег* времени» [Делез 2002, 172]. Оставим подобные рассуждения без комментариев, не обременяя себя бесконечными интерпретациями по причине их множественности и невозможности определения критерия их ценности. Нам важна антропологическая принадлежность и психологическая составляющая подобных формулировок, не зависящая от степени их ясности.

Относительно грамматических средств выражения времени необходимо отметить, что Делез в их выборе опирается на концепцию Г. Гийома, основная идея которой заключается в отсутствии тождества внутреннего и внешнего времени. Внутреннее – интегрировано в процессуальность. Внешнее – обозначает отличия эпох (отрезков времени). В отношении времени неопределенная форма глагола, по сути и смысла, не является неточной. Инфинитив события и акцентирует внимание на процессуальности. Хронос регулирует и изменяет время. Эон его персонифицирует. Время, относящееся к Хроносу, выражается глаголом «быть». Его смысл более чем абстрактен, а обозначение предполагает совокупность наклонений и времен французского глагола, а не просто инфинитив. Отличие

в обозначении времени состоит в том, что глагол «быть» употребляется в значении «состояния» и «повтора», а глагол «становиться» в значении «изменения» и «различия» [Фокин 2002, 234]. Не углубляясь в вопросы грамматики французского языка, обратим внимание на специфичность лексических единиц, передающих ощущение – восприятие времени человеком, принадлежащим определенной нации и культуре, что, несомненно, нецелесообразно игнорировать как неоспоримый факт антропологической природы времени-пространства.

Отличаются своеобразием замечания Делеза относительно исторического времени. Обращаясь к его анализу, он отбрасывает один из основных законов диалектики «отрицания отрицания» и пренебрегает отрицанием как универсальным принципом бытия и познания, утверждая, что ими живут «тени истории». В качестве аналитической основы исторического времени Делез предлагает путь «решения задач и утверждения различий» [Делез 1998, 323]. Противопоставление цикличного и линейного времени Делез называет «бедной идеей», ввиду невозможности достижения тождественности того, что следует вернуть. Возвращение возможно в силу неравенства возвращающегося и его различия. Вероятность невозвращения выше в силу отрицания бесконечного возобновления. Качество и пространство не возвращаются потому, что в них утрачивается условие бесконечного возобновления. Негативное не возвращается в силу сглаженного различия и тождественное (равное, подобное) так как они есть формы безразличия. Не возвращается Бог и «Я», так как они суть «формы и гарантия тождества» [Делез 1998, 296–297]. В этом случае мы можем констатировать ограниченность возможности повторения.

Подведем итоги в форме кратких обобщений. Психологизм интерпретаций Делезом времени-пространства предполагает:

1. Интерпретацию континуума как формы мыслительной активности и обоснование времени памятью. Субъективность восприятия времени утверждает приоритет настоящего как существующего. Время есть отношение, находящееся в процессе бесконечного становления. Процессуальность становления

игнорирует настоящее, но время обретает себя в настоящем. Отношения актуализируются во времени «Я», которое становится исторической индивидуальностью.

2. Субъективность обеспечивается становлением и раскрывается как последовательное или хаотическое чередование событий, обладающих видовым разнообразием; она выступает в качестве нейтральных сингулярностей, то есть вариативности событий, и определяет исторический процесс. События, суть, знаки и отношения, воплощаются во времени «Я». Нить времени проходит через линию разделения «Я» и «мое Я».

3. Во времени доминирует настоящее, которое воплощается в бытии разума и становится полем действия исторической индивидуальности. Привычка синтезирует время и оказывается в основании ускользающего настоящего. Настоящее представлено симулякрами, растворенными в прошлом и будущем. В этом контексте обозначается соотношение Хроноса и Эона как соотношение цикличности и линейности. Настоящее одновременно жизнь человека и индивидуальное бытие до и после. Иначе говоря, настоящее есть существующее.

4. Восприятие пространства определяется его глубиной и расстоянием. Глубина соотносится с формой и содержанием пространства, то есть его объемом. В него интегрировано время в виде прошлого и настоящего. Глубина, как и расстояние и интенсивность, предполагает перцепцию, которая воспринимается посредством ощущений. Время и пространство соотносятся как формы интериорности и экстериорности. Интериорность, как и экстериорность, не означает ограниченность времени разумом; оно как внутри, так и вне нас, что подтверждает выбор грамматических средств выражения времени.

5. Субъективность времени определяется национально-культурной принадлежностью и инкорпорированностью в духовный мир человека, о чем свидетельствует выбор лексических единиц, используемых им для передачи ощущений, вызванных восприятием континуума.

Резюме позволяет констатировать, что психологизм трактовок Делеза обогащает анализ антропологической природы времени-пространства и обнаруживает новизну восприя-

тия посредством введенной в эпистемологический оборот оригинальной понятийной лексики тех характеристик пространственно-временного континуума, которые оказывались периферийными в предшествующей аналитике. И это несмотря на отсутствие претензий создания более или менее целостной прогностической модели времени-пространства. Логика и язык Делеза избавлены от концептуальных построений и смысловой определенности. Они открыты и стремятся к бесконечности интерпретаций, каждая из которых обладает ценностью, чуждой всякой иерархичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вавилов 2018 – *Вавилов П.С.* Полифункциональность феномена «измененное состояние сознания»: опыт исследования шизоаналитического дискурса в работе Ж. Делеза // Вестник КазГУКИ. 2018. № 1. С. 8–11.
- Гиренок 2012 – *Гиренок Ф.И.* Жиль Делез. Человек – симулякр // Философия хозяйства. 2012. № 6 (84). С. 211–220.
- Гончаренко 2013 – *Гончаренко А.А.* Дегуманизация в интерпретации Платона Ж. Делезом // Гуманизм и современность: материалы Междунар. науч.-образоват. конф. (8–9 нояб. 2013 г.). Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 40–46.
- Делез 1995 – *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академия, 1995.
- Делез 1997 – *Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
- Делез 1998 – *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
- Делез 2002 – *Делез Ж.* Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002.
- Дьяков 2017 – *Дьяков А.В.* Жиль Делез: философия различия: монография. СПб.: Алетейя: Ист. кн., 2017.
- Еникеев 2017 – *Еникеев А.А.* Введение в чтение Ж. Делеза: исследование по поэтике и типологии философского текста: монография. Краснодар: Новация, 2017.
- Коломиец 2012 – *Коломиец Г.Г.* Особенности моделей «общественных машин» в материалистической психиатрии Ж. Делеза И.Ф. Гваттари // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. 2012. № 3 (106). С. 5–15.
- Корецкая 2006 – *Корецкая М.А.* Перспективы онтологии в оптиках Хайдеггера и Делеза: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2006.
- Кузнецов 2003 – *Кузнецов К.Н.* Категория субъекта во французском постструктурализме: Теоретико-литературный аспект работ Ж. Делеза: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Лейбниц 1982 – *Лейбниц Г.В.* О глубинном происхождении вещей. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровский [и др.]. М.: Мысль, 1982. С. 282–290.
- Маковецкий 2004 – *Маковецкий Е.А.* Социальная аналитика ритма: Жиль Делез, или О спасении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
- Свирский 2004 – *Свирский Я.И.* Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делеза: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004.
- Фокин 2002 – *Фокин С.Л.* Жиль Делез и его «метафизические фантазии» на тему «что такое литература?» // Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. С. 216–239.
- Buchanan 2005 – *Buchanan I.* Deleuze and Space. Edinburg: University Press, 2005.
- Herer 2006 – *Herer M.* Gilles Deleuz: struktury – maszyny – kreacje. Krakow: Universitas, 2006.
- Williams 2011 – *Williams J.* Gilles Deleuze Philosophy of Time: A Critical Introduction and Guide. Edinburg: University Press, 2011.

REFERENCES

- Vavilov P.S., 2018. Polyfunctionality of the “Altered State of Consciousness” Phenomenon»: The Experience of the Study of Schizoanalytic Discourse in the Work of J. Deleuze. *Vestnik KazGUKI*, no. 1, pp. 8-11.
- Girenok F.I., 2012. Gilles Deleuze. The Simulacrum Man. *Filosofiya hozhaystva*, no. 6 (84), pp. 211-220.
- Goncharenko A.A., 2013. Dehumanization in the Interpretation of Plato by G. Deleuze. *Gumanizm i sovremennost’: materialy Mezhdunar. nauch.-obrazovat. konf. (8-9 noyabrya 2013 g.)*. Kazan, Kazan. un-t, pp. 40-46.
- Deleuze ZH., 1995. *The Logic of Meaning*. Moscow, Akademiya.
- Deleuze G., 1997. *The Crease. Leibniz and the Baroque*. Moscow, Logos Publ.
- Deleuze G., 1998. *Distinction and Repetition*. Saint Petersburg, Petropolis Publ.
- Deleuz G., 2002. *Criticism and Clinic*. Saint Petersburg, Machina Publ.
- D'yakov A.V., 2017. *Gilles Deleuze: The Philosophy of Difference: monograph*. Saint Petersburg, Aletejya Publ.; Istoricheskaia kniga Publ.
- Enikeev A.A., 2017. *Introduction to the Reading of J. Deleuze: A Study in the Poetics and Typology*

- of the Philosophical Text: monograph.* Krasnodar, Novaciya Publ.
- Kolomic G.G., 2012. Features of the Models of “Social Machines” in the Materialistic Psychiatry of Zh. Deleuze I.F. Guattari. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3 «Obshchestvennye nauki»*, no. 3 (106), pp. 5-15.
- Koreckaya M.A., 2006. *Perspectives of Ontology in the Optics of Heidegger and Deleuze: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk.* Samara.
- Kuznecov K.N., 2003. *The Category of the Subject in French Poststructuralism: The Theoretical and Literary Aspect of Zh. Deleuze: dis. ... kand. filol. nauk.* Moscow.
- Leibniz G.V., 1982. *About the Deep Origin of Things. Sochineniia. V 4 t. T. 1.* Moscow, Mysl' Publ., pp. 282-290.
- Makoveckij E.A., 2004. *Social Analysis of Rhythm: Gilles Deleuze, or About Salvation.* Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Svirskij Ya.I., 2004. *The Non-Linear World of Post-Non-Classical Science and the Creative Heritage of Zh. Deleuze: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk.* Moscow.
- Fokin S.L., 2002. Gilles Deleuze and His “Metaphysical Fantasies” on “What is Literature?”. *Deleuze, J. Criticism and Clinic.* Saint Petersburg, Machina Publ., pp. 216-239.
- Buchanan I., 2005. *Deleuze and Space.* Edinburg, University Press.
- Herer M., 2006. *Gilles Deleuz: struktury – maszyny – kreacje.* Krakow, Universitas.
- Williams J., 2011. *Gilles Deleuzs Philosophy of Time: A Critical Introduction and Guide.* Edinburg, University Press.

Information About the Author

Yuri L. Sirotkin, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Magistralnaya St, 35, 420108 Kazan, Russian Federation, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>

Информация об авторе

Юрий Львович Сироткин, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии, Казанский юридический институт МВД России, ул. Магистральная, 35, 420108 г. Казань, Российская Федерация, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>